

В. Р. ВАВРИКЪ.

ГАЛИЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА
„СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ“.

ЛЬВОВЪ, 1930.

Типографія Ставропигійскаго Института подь управленіемь
М. Г. Мадана.

ИЗ КНИГ Ф. М. И А. Ф.
ГОЛОВЕНЧЕНКО

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

и 5643-02

3

ГАЛИЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ“.

1.

Борьба изъ-за „Слова о полку Игоревъ“.

Величавый памятник древней Руси не легко и не скоро был признан делом XII века; он был отвоеван упорной и продолжительной борьбой ученых. Два враждебных табора запасались огромными доказательствами и выводами, чтобы защитить свою точку зрения.

Борьба возникла несколько лет послѣ открытiя памятника; открылъ его собиратель древнихъ вещей, Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ,¹⁾ въ 1795 году въ сборникѣ „Хронографъ“, приобретенномъ имъ отъ Юила, архимандрита Спасо-Ярославскаго монастыря.

Мусинъ-Пушкинъ, не будучи ни словесникомъ ни историкомъ, отдалъ памятникъ для разслѣдованiя А. Ѳ. Малиновскому²⁾ и Н. Н. Бантышъ-Каменскому³⁾, тогдашнимъ наиболѣе виднымъ и заслуженнымъ русскимъ ученымъ.

Драгоценную находку издалъ Мусинъ-Пушкинъ п. з.: „Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго, Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтiя, съ переложениемъ на употребляемое нынѣ нарѣчiе“. Москва, 1800. Какъ на зло, подлинникъ „Слова“, т. е. „Хронографъ“ сгорѣлъ въ московскомъ пожарѣ въ 1812 году.

¹⁾ А. И. Мусинъ-Пушкинъ (1744—1816), любитель древнихъ памятниковъ, археологъ, имѣлъ богатѣйшiй музей въ Москвѣ, который сгорѣлъ въ 1812 году.

²⁾ А. Ѳ. Малиновскiй (1762—1840), писатель, начальникъ московскаго архива коллегiи иностранныхъ дѣлъ и издатель русскихъ древнихъ памятниковъ.

³⁾ Н. Н. Бантышъ-Каменскiй (1737—1814), замѣчательный историкъ, составившiй въ 1821 году большой трудъ: „Степенная книга российской исторiи“.

Школа скептиковъ, во главѣ съ профессоромъ исторіи московскаго университета, М. Т. Каченовскимъ,¹⁾ отрицала подлинность „Слова“ и считала его подлогомъ XIX ст. Свои выводы она обосновывала:

— тѣмъ, что памятникъ появился въ 5 лѣтъ послѣ открытія;

— тѣмъ, что подлинникъ сгорѣлъ;

— тѣмъ, что какъ разъ въ это время были разоблачены болѣе литературные подлоги въ Чехіи и Англии.

Чешскій писатель, Вацлавъ Ганка,²⁾ пришелъ къ заключенію, что въ борьбѣ съ германизацией, опровергавшей культуру славянъ, необходимо ее доказать древними документами; поэтому онъ поддѣлалъ двѣ рукописи, Краледворскую и Зеленогорскую,³⁾ и объявилъ ихъ памятниками XI или XII ст. Нѣмцы подняли крикъ, дѣло очутилось въ судѣ, и споръ, продолжавшійся почти 100 лѣтъ, кончился тѣмъ, что фальсификатъ былъ обнаруженъ.

Такой же подлогъ сдѣлалъ ирландецъ Мекферсонъ⁴⁾, чтобы доказать высокую культуру своей земли въ глубокой старинѣ. Пѣсни Оссіана, борца за свободу Ирландіи въ III ст., были сочиненіемъ Мекферсона, но своей простотою и красотой удивили весь міръ.

Все это ложилось черной тѣнью и на „Слово о полку Игоревѣ“. Скептики торжествовали; казалось, что его постигнетъ судьба вышеназванныхъ подлоговъ Ганки и Мекферсона.

Однако случилось иначе.

П. П. Пекарскій,⁵⁾ археологъ, нашелъ въ бумагахъ Екатерины II копію „Слова“, снятую изъ „Хронографа“, и

¹⁾ М. Т. Каченовскій (1775—1842), профессоръ исторіи московскаго университета, который отвергалъ всякую культуру древней Руси; онъ отрицалъ всѣ древне-русскіе памятники: лѣтопись, Слово о полку Игоревѣ и Русскую правду. По его мнѣнію Русская правда была занесена на Русь купцами Ганзы.

²⁾ В. Ганка (1791—1861), одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей чешскаго національнаго возрожденія.

³⁾ Kraluv Dvur и Zelena Hora — мѣстности въ Чехіи, въ которыхъ будто были найдены рукописи—подлоги Ганки.

⁴⁾ Джемсъ Мекферсонъ поддѣлалъ „Пѣсни Оссіана“ и въ 1760 году напечаталъ ихъ. Оссіанъ погибъ въ бою съ королевскими войсками. Народная фантазія окружила его вѣнцомъ безсмертной славы.

⁵⁾ П. П. Пекарскій (1828—1872), изслѣдователь русской словесности и исторіи, адъюнктъ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ; издалъ: „Бумаги Екатерины II“, Спб., 1864.

напечаталъ ее въ „Приложеніи къ V-му тому записокъ Академіи Наукъ“, № 2, Спб. 1864. Вдобавокъ Е. Θ. Тимковскій¹⁾ открылъ памятникъ съ конца XIV в. „Мамаево побоище“, авторъ котораго руководствовался „Словомъ о полку Игоревѣ“ и заимствовалъ изъ него обороты и цѣлыя мѣста.

Побѣда осталась за сторонниками подлинности „Слова“, среди которыхъ былъ и А. С. Пушкинъ. Скептики сдались, сознавъ свою ошибку.

Вторая борьба изъ-за „Слова о полку Игоревѣ“ происходитъ между учеными, поборниками національнаго единства русскаго народа и мечтателями о самостоятельной Украинѣ. Въ особенности послѣдніе не перебираютъ въ средствахъ, вплоть до отрицанія Руси, что, однако, рѣзко расходится съ текстомъ самаго „Слова“.

2.

Галицкая литература „Слова о полку Игоревѣ“.

Ни въ одномъ памятникѣ древней Руси не отражается такъ ярко и широко общій складъ того времени, какъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Въ немъ именно подчеркнуты тѣ идеалы, которые волновали чувства, мысли, воображеніе и разумъ нашихъ предковъ. Поэтическія достоинства, проникнутыя могучимъ одушевленіемъ и размахомъ, успѣли сразу привлечь къ себѣ вниманіе всего образованнаго міра.

Не осталась позади и наша Галицкая Русь со своими двумя оріентаціями. Пройдемъ въ хронологическомъ порядкѣ все, что здѣсь до сихъ поръ появилось въ печати.

Б. А. Дѣдицкій²⁾ первый изъ галичанъ обратилъ вниманіе на высокія достоинства древняго произведенія, его трудъ появился въ печати подъ заглавіемъ: „Слово о полку Игоревомъ, обновлене и стихомъ уложено Богданомъ Дзвездзіцкимъ“ — („Пчола“, Н-ра 1—4. Львовъ, 1849). Переводъ

¹⁾ Е. Θ. Тимковскій (1790—1875) писатель, управляющій архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петроградѣ.

²⁾ Б. А. Дѣдицкій (1827—1909), редакторъ газеты „Слова“, одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей-журналистовъ на Галицкой Руси въ серединѣ прошлаго вѣка; его работы: „о. Игнатій“ (1854), „Конюшій“ (1854), „Буй-Туръ Всеволодъ“ (1860), „О неудобности латинской азбуки въ русской письменности“ (1859), „Исторія Руси“ (1868), „Михаилъ Качковскій“ (1876).

въ стихахъ тяжелый, силлабическій; каждый рядъ состоитъ изъ 11-ти слоговъ, часто встрѣчаются неправильныя ударенія, правописание хаотическое¹⁾.

„Слово о полку Игоря Святославича, пѣснотворъ старорусскій изъ XII столѣтья“. Издано Іоанномъ Гушалеви-чемъ²⁾. Львовъ, 1850. Начинается малымъ, сжатымъ вступленіемъ; издание цѣнное тѣмъ, что почти каждое слово текста поясняется доступными, обширными историческими справками. И заготовлено было для нуждъ учащейся молодежи, и Гушалеви-чъ самъ имъ пользовался въ своихъ классахъ.

Весьма основательно обработалъ „Слово“ извѣстный галицко-русскій ученый, Я. Ѳ. Головацкій³⁾. Въ то время онъ уже былъ профессоромъ львовскаго университета и одновременно преподавалъ русскій языкъ въ двухъ послѣднихъ классахъ нѣмецкой гимназіи. Ученая диссертация Головацкаго написана по нѣмецки: „**Ueber Ihors Heereszug gegen die Polowcer**“—(Viertes Programm des K. K. akademischen Staats-Gymnasiums in Lemberg. Am Schlusse des Schuljahres 1853). Начинается стихомъ Пушкина въ нѣмецкомъ переводѣ:

Wohl scheint vom Geschick beschlossen,
Dass sein verklug'nes Saitenspiel
Mit einem ew'gen Donnerschalle
In spätem Tagen wiederhülle.

¹⁾ Подъ окончаніемъ перевода Б. А. Дѣдицкаго редакція считала необходимымъ отъ себя добавить: „Понеже въ правописанію нашемъ нѣтъ согласія, того ради учредительство „Пчолы“, не гадкуя дѣлати противо воли писателей, предприняло зъ самого начала въ правописанію надосланныхъ сочиненій не чинити жадной отмѣны“.

²⁾ Иванъ Гушалеви-чъ (1823—1903), священникъ, поэтъ, редакторъ „Зори Галицкой“. Изъ многочисленныхъ его сочиненій широкую извѣстность получила драма п. з. „Подгоряне“. Гушалеви-чъ былъ нѣкоторое время преподавателемъ русскаго, мѣстнаго языка во львовскихъ гимназіяхъ и, какъ таковой, обработалъ „Слово о полку Игоревѣ“.

³⁾ Я. Ѳ. Головацкій 1814—1888), видный дѣятель галицко-русской науки; лучшими его трудами являются: „Великая Хорватія, или Галицко-Карпатская Русь“ 1841; „Росправа о языцѣ южно-русскомъ и его нарѣчійхъ“ 1848; „Грамматика русскаго языка“ 1850; „Хрестоматія древне-руская“ 1854; „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“ Москва, 1878.

Работа Якова Федоровича состоитъ изъ пяти частей:

- 1) Die Handschrift und die Auflagen von Ihors Heereszuge;
- 2) Gegenstand und Inhalt der Heereszugs Ihors;
- 3) Die Ihors Heldensage ihrem Geiste nach betrachtet: Rittergeist — Rückerinnerung an das Vergangene — Schlachtenbilder und Darstellungsarten des Todes in dem Gedichte — Liebe zum Gesang—Jaroslawnas Lied und die Bedeutung desselben;
- 4) Geist des Glaubens: Spuren des Heidenthums; Glaube an die Geisterwelt; Glaube an das Wunderbare und Naturandeutungen;
- 5) Die Sprache des Gedichtes vom Heldenzuge Ihors.

Значить, Головацкій не остановился на содержаніи и изданіяхъ „Слова“, но старался вникнуть въ духъ времени его возникновенія, въ основы вѣры, въ суть народнаго міросозерцанія, въ причины похода и особенности языка, который онъ называетъ могучимъ, живымъ и гармоническимъ. „Слово“ выказываетъ сѣверное нарѣчіе, такъ какъ авторъ безъ сомнѣнія происходилъ изъ Новгорода Сѣверскаго. (Diese Sprache war die ruthenische, und zwar nach dem Siewerskischen Dialekte, denn der Dichter war zweifelsohne aus dem Nowhorod Siewerski).

Послѣ работы Я. Ф. Головацкаго надолго заглохло на Галицкой Руси; только въ концѣ 60 годовъ появилось „Историческое обозрѣніе русской письменности“, принадлежащее перу преподавателя русскаго языка въ одной изъ львовскихъ гимназій, Онуфрія Лепкаго¹⁾. Въ главѣ „Поэзія свѣтская“ говорится коротко и о „Словѣ о полку Игоревѣ“. На основаніи изслѣдованій Шлецера²⁾ даетъ Лепкій характеристику половцевъ (ползовцевъ) или комановъ, нападавшихъ на русскую землю и, опираясь на выше упомянутую работу Я. Ф. Головацкаго, излагаетъ текстъ и содержание „Слова“.

Дважды обрабатывалъ „Слово“ Емельянъ Огоновскій³⁾ „Поглядъ на старорускій поетичный памятникъ

¹⁾ Онуфрій Лепкій: „Историческое обозрѣніе русской письменности, отъ введенія христіанства до пришествія татаръ“. — (Литературный Сборникъ Галицко-русской Матицы. Львовъ, 1869).

²⁾ Шлецеръ (Ludwik August von Schlözer), знаменитый историкъ, изслѣдователь русской старины, особенно русскихъ лѣтописей (Нестора).

³⁾ О. Огоновскій (1833—1894), профессоръ львовскаго университета, извѣстенъ тѣмъ, что написалъ „Исторію

„Слово о полку Игоревѣ“. Газета Школьна, письмо педагогичне підъ редакцію Ом. Партыцкога. Рочникъ I, 1875 и „Слово о полку Игоревѣ“ Поэтичний памятник руської письменности XII віку. Текст с перекладом и с поясненьями видав Омелян Огоновскій. У Львові. Накладом видавця. 1876. 8° стр. XLIV+136+2. Первый трудъ всецѣло повторень на второмъ; поэтому остановимся на послѣднемъ.

Въ вступительныхъ замѣчаніяхъ (передні замітки) Огоновскій сказаль нѣсколько словъ о русскомъ просвѣщеніи въ XII в., воспроизвелъ разказъ лѣтописей о походѣ Игоря на половцевъ, подаль содержаніе (грясть!) „Слова“, поднесъ стоимость памятника, какъ историческаго и поэтическаго произведенія, повторилъ все, что было сказано русскими учеными объ авторѣ, нарисоваль характеръ героя и доказываль, что „Слово“ является насквозь оригинальнымъ дѣломъ древней Руси.

Огоновскій не нашель въ „Словѣ“ ничего такого, что его дѣлало бы похожимъ на пѣсни Оссіяна, отвергъ теорію князя Вяземскаго,¹⁾ будто въ „Словѣ“ находятся реминисценціи греческихъ и еракійскихъ преданій и, наконецъ, подвергъ критикѣ взглядъ Буслаева,²⁾ будто въ „Словѣ“ встрѣчаются признаки скандинавской народной поэзіи. Это оригинальный самостоятельный эпосъ княжьей Руси.

Разсужденія Огоновскаго объ языкѣ „Слова“ полны догадокъ, туманныхъ и одностороннихъ:

... „як-би не було отже тогді звичаю, уживати в письмахъ языка церковного, то автор Слова бувби нам певно лишив взорець русько-української мови XII віку. Слово написано було автором українцем, але тоті пізнійші грамотії поперекручували поодинокі форми на лад мови старословенської або й приспособили їх до виговору нарѣчья північно-великоруського.

Въ послѣднихъ главахъ Огоновскій говорить о красотѣ, формѣ, исторіи открытія, изданияхъ и переводахъ „Слова“,

русской литературы“ 5 т. 7 частей, „Граматику руского языка“, Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache. 1880 и издалъ полное собраніе „Кобзаря“ Т. Шевченки, 4 т.

¹⁾ П. П. Вяземскій въ 1875 г. напечаталь обширныя „Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ“.

²⁾ О. И. Буслаевъ (1818—1891), большой знатокъ русской словесности; главные его труды: „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“, 1848; „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“ Спб., 1861; „Народная поэзія“, Спб. 1887.

Потомъ слѣдуетъ текстъ на одной и переводъ на второй сторонѣ въ 14-ти частяхъ, съ поясненіями и сравненіями съ мало-русскими народными пѣснями.

Особое вниманіе слѣдуетъ обратить на „Слово о полку Игоревѣ, древне-русское эпическое стихотвореніе изъ конца XII столѣтія. Текстъ Слова исправленъ и раздѣленъ по стихамъ“. Издалъ А. С. Петрушевичъ¹⁾. Львовъ, 1887. Петрушевичъ былъ оригинальной и даровитой личностью и вдумчивымъ изслѣдователемъ церковно-славянскаго языка. Обработывая текстъ „Слова“, онъ проводитъ параллели, дѣлаетъ ссылки на труды ученыхъ. Въ введеніи рассказываетъ объ открытіи списка „Слова“, о томъ, какимъ былъ текстъ, дошедшій до нашихъ временъ, какъ выглядило первое изданіе, подаетъ выдержки изъ лѣтописи; затѣмъ по своему раздѣляетъ „Слово“ на стихи. Поясняя поодинокія слова, Петрушевичъ доказываетъ, что переписчики смѣшивали буквы л—д, к—х, ѣ—ы, пропускали сокращенныя слова, находящіяся подъ титлами, дѣлали изъ двухъ словъ одно и наоборотъ, соединяли два слова въ одно. Онъ полагаетъ, что первая форма „Слова“ должна была быть стихотворной для болѣе удобнаго пѣнія и чтенія. „Кажется, княжескій заможенный пѣвецъ и дружинникъ, составляя свою пѣснь въ патріотической и политической цѣляхъ, для наданія ей большой гласности, писалъ свое сочиненіе не въ сплошную строку, но длинными то краткими стихами, соотвѣтно своему поэтическому одушевленію“. Петрушевичъ думаетъ, что авторъ былъ галичанинъ: „Слово“ имѣетъ для насъ галичанъ особенную важность по той причинѣ, что сочинитель его, по всей вѣроятности, былъ выходцемъ изъ нашей галичской Руси, отправившимся, кажется, вмѣстѣ съ дочерью князя галичскаго Ярослава Владиміровича, Евфросинею, супругою сверскаго князя Игоря, служить въ того-же дружинѣ и совѣтѣ. Къ такому заключенію наводитъ мене тое важное обстоятельство, что пѣвецъ Игоря есть близко ознакомленъ съ централистическою политикою и отношеніями галицкаго князя Ярослава къ сосѣднимъ державамъ, яко своего государя, котораго отличаетъ онъ названіемъ Осмомысла, о чемъ современныя лѣтописи ничего не повѣствуютъ. Дочери того-же галичскаго князя, Евфросинѣ, посвящаетъ пѣвецъ Игоря знакомитое мѣсто въ „Словѣ“. Авторъ „Слова“ изъясняетъ свое знакомство съ мѣстностью древняго галичскаго

¹⁾ А. С. Петрушевичъ (1821—1913), знаменитый лингвистъ, историкъ и знатокъ галицко-русскихъ архивовъ. Написалъ нѣсколько удачныхъ статей противъ подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей; издалъ и пояснилъ „Сводную галицко-русскую лѣтопись отъ 1500 до 1800 г.“.

города Пльениска, и съ далеко, нѣкогда на югъ сягающими границами нашего отечества, даже до желѣзныхъ вратъ Дуная; онъ самъ знаетъ о походѣ галицкихъ полковъ Ярослава на дальній востокъ въ землю Салтановъ (въ Палестинѣ); словомъ, пѣвецъ Игоря блеситъ западно-русскимъ образованіемъ, которое дружинникамъ южно-восточной стороны Руси было недоступнымъ“.

Въ цѣляхъ распространенія „Слова“ среди народныхъ массъ Галицкой Руси была издана Обществомъ им. Михаила Качковскаго (книжечка за апрѣль № 328, г. 1903): „Повѣсть о полку Игоревомъ“. Переспѣвалъ Петръ П—скій (П. А. Полянский¹⁾). Переводъ этотъ носить явные признаки извѣстнаго въ словестности перевода М. А. Максимовича²⁾ изъ 1859 г. Размѣръ стиховъ разнообразный; наилучше удались Полянскому стихи, написанные въ формѣ галицкой коломыйки:

Братья мои! Чи не лучше
 Въ бою погибати,
 Якъ въ кайданахъ и въ неволи
 Тяжко проживати?
 Хочу, братья, я за Дономъ
 Копіе зломити,
 Хоть припалобъ середь бою
 Голову зложити!..

Побѣгъ князя изъ половецкаго плѣна изображенъ не менѣе въ галицко-русской рѣчи удачными стихами:

Трава шумить, рѣка гудить,
 Тростина трескае,
 А князь летить, бѣгомъ бѣжитъ,
 Донця достигае.
 Горностаемъ скаче Игорьъ,
 Гоголемъ на воды,
 Сѣрымъ волкомъ по яругахъ,
 Соколомъ подь своды.

Въ общемъ говоря, переводъ слабый и иногда далеко отбѣгаетъ отъ текста.

¹⁾ П. А. Полянский, отвѣтств. редакторъ „Новаго Галичанина“ въ 80-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія; онъ написалъ нѣсколько рассказовъ п. з. „Прикарпатскія новеллы“.

²⁾ М. А. Максимовичъ (1804—1873), профессоръ ботаники въ Москвѣ, затѣмъ профессоръ русской литературы въ Кіевскомъ университетѣ, издалъ два сборника народныхъ пѣсенъ: „Малороссійскія пѣсни“ Москва, 1827. „Украинскія

В а с и л ь Ш у р а т ¹⁾: „Слово про похід Ігоря Свято-славича. Поэма XII в.“ 1910, второе издание 1918. Это сочинение есть довольно удачный перевод „Слова“ на галицкое нарѣчіе, однако не может равняться съ переводомъ М. А. Максимовича. Переводъ Щурата составляютъ стихи въ трохеяхъ отъ начала до конца. Древность эпоса нарушена неподходящимъ, чуждымъ русской старинѣ, нѣмецкимъ словомъ: „боян м а й с т е р б у в д о п і с н і“. Щуратъ желаетъ задержать присущій тексту „Слова“ колоритъ и пользуется терминами Русь, руська земля, русичі, хотя въ своемъ предисловіи называетъ памятникъ „твором украинського генія“. Онъ утверждаетъ, что излѣдованія Е. В. Барсова ²⁾ кончились абсурдомъ, и поэтому „українська мова“ (въ особенности галицкое нарѣчіе) сможетъ выяснитъ все „Слово“, что и дѣлаетъ: „Я стрібував (попробоваль) вияснювати Слово при помочі галицько-українського лексикального матеріалу і переконався, що майже кожде ужите в ній (?) слово живе досі, коли не в устах галицького народа, то в його традиції“. Болѣе того, Щуратъ полагаетъ, что рукопись „Слова“ походитъ изъ западной части Руси; не даромъ же Мусинъ-Пушкинъ скрывалъ мѣсто открытія памятника. Нѣкоторыя поясненія Щурата нужно отнести въ область фантазіи (Каяла—рѣчка покаянія; Плѣсниско-Кисань: „згадка про Плїснесько, болонє і дебру Кисаню відповідає вповні Плїснеську, його болоню і дебри—під нинішними Підгірцями. Плїснеське болонє й доси є спеціальним жировищем тисячів ворон, що гніздяться в сусідних горах Вороняках“). На переводъ Щурата (плачъ Ярославны) замѣтно сильное вліяніе перевода Т. Шевченки ³⁾ (частина Слова о полку Ігоревім. Кобзарь, издание О. Огоновскаго, Львовъ, 1893).

народныя пѣсни“ Москва, 1834. Изъ историческихъ сочиненій лучшее: „Откуда идетъ Русская земля“ Кіевъ, 1837. Переводъ „Слова о полку Игоревѣ“ сдѣлалъ его имя широко извѣстнымъ на Галицкой Руси.

¹⁾ В. Щуратъ (1871—) современный литер. дѣятель, поэтъ („Вибір пісень“), переводчикъ, членъ кіевской Академіи Наукъ. Свои объясненія, относящіяся къ Плѣснису и Кисани, Щуратъ подѣлалъ во время своей службы въ бродской гимназіи; по этому дѣлу онъ выѣзжалъ въ Подгорцы и окрестныя села.

²⁾ Е. В. Барсовъ добрую половину своей жизни посвятилъ излѣдованію „Слова“: „Критическій очеркъ литературы Слова о полку Игоревѣ“ Спб. 1876; „Критическія замѣтки объ историческомъ и художественномъ значеніи Слова о полку Игоревѣ“ Спб., 1878.

У Шевченки :

Вітрило — вітре, мій єдиний,
Легкий, крилатий господине,
На що на дужому крилі
На вої любії мої,
На князя, ладо моє миле,
Ти ханові метаєш стріли?

У Щурата:

Ой ти вітре, ти вітрило!
Чому вієш, господине,
Так насильно, так завзято?
Чому віючи з чужини
Лиш ханові стрілки мечеш
На своїх невтомних крильцях
На мойого лада вої?

Михайло Возняк: „Пісня (дума) про похід Ігоря“, Львовъ, 1922. Работа основана на выводахъ русскихъ ученыхъ; тѣмъ не менѣе въ ней не отмѣчено ни одно имя изъ русскихъ изслѣдователей. Выдержками М. Возняка нужно пользоваться весьма осторожно, такъ какъ онъ ихъ подгоняетъ къ своей идеологій („українець — Дажбожий внук“; „вхід українськихъ вѣйськ на половецьку землю“); у него Русь не существуетъ. Поэтому сочиненіе М. Возняка является болѣе чѣмъ тенденціознымъ.

Когда возьмете въ руки Александра Барвинскаго: „Огляд історії української літератури“. Третье справлене видане. Львовъ 1922, — то на 22-ой страницѣ, въ главѣ: „Слово о полку Игоревѣ“, прочитаете:

Бажаючи прославитися побідою над половцями, Ігор Святославич, кн. Новгороду Сіверского, виправився (1185 р.) з сіверскими князями — братом Всеволодом Курским (званим Буй-Туром), з сином Володимиром Путивельським і братаничем Святославом Ольговичем, кн. Рильським, — над Дон. Тут стрітили їх Половці. В першій бою побідили руські князі, але опісля, відтяти від води і окружені хмарами кочовиків, понесли

¹⁾ Михайло Возняк: „Старе українське письменство“. Вибір для середніх шкіл. (Львовъ, 1922). Давня доба. Віки XI—XV. „Пісня (дума) про похід Ігоря“. М. Возняк, сучасний літературний діятель, членъ кіевской Академіи Наукъ.

страшне поражене і попали в полон. Ігор утік з відтам з підмогою конюшого Овлура на Русь, а син Володимир оженився з дочкою половецького хана Кончака і по двох роках вернув на Русь із Всеволодом.

Изложеніє, поясненіє и толкованіє „Слова о полку Игоревѣ“ разрѣшаются каждому ученому. Эти изложенія, поясненія и толкованія могутъ даже быть очень близки, но онѣ никогда не совпадаютъ. Когда же вы откроете 27 лѣтъ тому назадъ изданную А. Галаховымъ: „Исторію русской словесности“ (изданіє восьмое, Москва, 1895), то на 52-ой страницѣ вы читаете:

Игорь захотѣлъ самъ прославиться побѣдой и съ другими сѣверскими князьями: братомъ своимъ Всеволодомъ Курскимъ, сыномъ Владиміромъ Путивильскимъ и племянникомъ Святославомъ Рыльскимъ, собралъ войско и отправился къ Дону. Здѣсь встрѣтили его половцы. Въ первой битвѣ съ ними русскіе одержали верхъ, но потомъ, отрѣзанные отъ воды и окруженные сильными толпами, потерпѣли рѣшительное пораженіє. Князья были взяты въ плѣнъ, изъ которыхъ Игорь, при помощи своего конюшаго бѣжалъ въ Россію, а Владиміръ женился на дочери половецкаго хана Кончака и черезъ два года также воротился въ отечество вмѣстѣ съ Всеволодомъ.

Одно совпаденіє, несмотря на его точность, не можетъ служить доказательствомъ плагиата. Поэтому пойдѣмъ дальше. У Барвинскаго на 24-ой страницѣ (Поділ „Слова“) читаемъ:

„Слово“ можна поділити на три части. В першій описаний похід, бій з Половцями і полон князів. Спомин про побіду Святослава Всеволодовича над Половцями служить переходом до другої части „Слова“, що починає ся сном сего князя і містить у собі спомини про давнїших і візваня до сучасних Ігореві князів, щоби вступилися за „оби́ду сего времени“, за землю руську, за рани Ігореві. Третя часть обнимає плач Ярославни (Евфросинїї, дочки Ярослава Володимировича Галицького), оповідане про побіг Ігоря з неволі і яко закінчене — похвалу князям і дружині.

На 52-ой страницѣ упомянутаго А. Галахова, читаемъ:

„Слово“ можетъ быть раздѣлено на три части: въ первой, послѣ приступа, повѣствуется о походѣ сѣверскихъ князей и о пораженіи ихъ половцами; воспоминаніє о побѣдѣ Святослава Всеволодовича надъ тѣми же врагами служитъ переходомъ ко второй части, которая начинается сномъ этого князя и содержитъ въ себѣ

воспоминаніе о прежнихъ князьяхъ и приглашеніе современныхъ Игорю князей вступить за землю русскую: третью часть составляютъ плачь второй Игоревой жены Ярославны (Евфросиніи, дочери Ярослава Владиміровича Галицкаго), рассказъ о бѣгствѣ Игоря изъ плѣна и заключеніе.

Еще одно коротенькое, но ядренное мѣсто, чтобы окончательно убѣдить всѣхъ въ томъ, какъ безсовѣстно списывалъ Барвинскій, нигдѣ не упоминая про это! На 24-ой страницѣ у Барвинскаго находимъ:

Провідна думка пісні є — єдність руської землі. Представником сеї провідної ідеї робить автор кийвського князя Святослава, котрому вкладає в уста визване до руських князів, називаючи се визване золотим словом, змішаним із слезами.

У Галахова на 53-й страницѣ это мѣсто звучитъ:

Идея „Слово о полку Игоревѣ“ — есть идея единства русской земли. Представителемъ ея пѣвецъ дѣлаетъ кіевскаго князя Святослава, влагая ему въ уста воззваніе къ князьямъ южной и сѣверной Руси о заступничествѣ за землю русскую и называя это воззваніе золотымъ словомъ, смѣшаннымъ со слезами.

Три выдержки даютъ полное право думать, что Александръ Барвинскій, составляя научныя пособія, дѣлалъ компіляцію, просто-напросто списывалъ изъ русскихъ источниковъ русскихъ ученыхъ, которыхъ онъ такъ безпощадно побаривалъ. Какъ ни печально это явленіе, оно все таки имѣетъ и хорошую сторону: доказываетъ, что „украинець“ Александръ Барвинскій точь въ точь думаетъ также, какъ великороссъ А. Галаховъ, несмотря на то, что первый по политическимъ соображеніямъ въ угоду врагамъ русскаго народа проповѣдуетъ никогда несбыточную идею о расколѣ юга и сѣвера русской земли.

Плохо то, что А. Барвинскій точь въ точь списалъ нѣкоторыя мѣста, ни словомъ не заикнувшись о томъ, что живьемъ и цѣликомъ заимствуетъ большія выдержки изъ чужого сочиненія. Но въ средѣ украинскихъ авторовъ А. Барвинскій не исключеніе, а довольно таки обычное явленіе. Тутъ куда удивительнѣе, что украинскіе профессора и литературные критики позволяютъ себѣ роскошь облегченія труда посредствомъ обильнаго заимствования изъ богатыхъ русскихъ источниковъ, а въ то-же время строжайше запрещаютъ своимъ ученикамъ пользоваться русскимъ литературнымъ богатствомъ. Чтобы отвлечь отъ него вниманіе своей молодежи, они нарочно представляютъ русскую культуру въ темныхъ краскахъ или совершенно ее искажаютъ. При томъ-

українські професора просто напросто дѣлають фальсифікати, своєвольні і въ зависимости отъ потребностей політичнихъ тенденцій змѣняють въ старихъ пам'ятникахъ слова і смисль, а даже і цѣлыя обороти.

Кажеться, что больше русско-патріотическаго произведенія, какимъ является „Слово о полку Игоревѣ“, трудно найти въ старо-русской словесности.

Тѣмъ не менѣе, наперекоръ разсудку, ибо ясно, что въ XII вѣкѣ, пам'ятникомъ котораго является „Слово о полку Игоревѣ“, не было ни Москвы ни Украины, а была лишь одна Русь, и, слѣдовательно, также авторъ названнаго произведенія не могъ быть ни малороссомъ, ни великороссомъ, ибо былъ только сознательнымъ русскимъ человекомъ, украинскіе професора дѣлають изъ него украинца сегодняшняго покроя. Въ этомъ самостійномъ усердіи перебралъ всякую мѣру і границу, забывъ стыдъ передъ ученымъ міромъ і личное достоинство, нѣкій докторъ Иванъ Мандичевскій¹⁾, который издалъ въ 1918 году свое собственное Слово о полку Игоревѣ. Вотъ до чего договорился сей вдохновенный критикъ:

„Незнаний нам книжник-писака москвин — псковецъ (за сим промовляють поважні сліди у мові питомі псковсько-опочецькому говорові) переробив ціле первісне Слово о полку Ігореві на свій лад“.

Вслѣдъ затѣмъ докторъ Иванъ Мандичевскій, не задумываясь, принялся за „первісну реконструкцію“ стараго произведенія XII столѣтія, которое по его убѣжденію „співець створив був у зрозумілій для кожного (?) просто-народній мові українській“. Чудовищная сія реконструкція построена цѣликомъ на грамматикѣ, словахъ і оборотахъ, которые выковали украинцы недавно, і поэтому лишена всякой научной стоимости. И не удивительно, если взять во вниманіе то, до чего признался самъ „ученый“: 1) „я віметав усі розкриті мною чужі уставки. 2) випрятавем усю церковно-славянську примішку і понаходжені псковсько-московські й другі питоменности, а затемнені та попсовані місця заступивем відповідно під дух мови і логічного ходу пісні підобраним матеріялом, 3) поповнивем так само підобраним матеріялом виявлені прогалини“.

Комендаріи лишні. Українскіе „вчещі“ строят свое „знання“ на фальсифікаціи, очевидно і не підозрѣвая, что стъ этого они не стануть учеными, а ихъ „знання“ наукою.

¹⁾ Д-р Иван Мандичевскій: „Слово о полку Игореві“ (1188 р.). Літературна реконструкція. У Львові 1918.

„Слово про Ігорів похід“. Вступ, переклад і пояснення Петра Олександра Коструби¹⁾ (Львовъ, 1928). Коструба желяеть приблизитися къ тексту и не повторить ошибокъ Барвинскаго, Мандичевскаго и Возняка; онъ вводитъ обратно термини: „Русь, руський, руська земля“: „вживаю термину „руський“, а не „український“, як приміром проф. Возняк (у свойому перекладі Літ. I) із двох причин: 1) для кращого додержання кольориту епохи, 2) тому що обсяг поняття „руський“ був ширший, бо обіймав також північні (сѣверныя) землі, що тоді вважалися одною цілістю з українськими, хоч і не становили вже суцільного з ними політичного організму“. Коструба подчеркиваетъ, что „Слово“ имѣло большое вліяніе „на дальшу творчість як українську, так і московську“. Дѣленіе „Слова“ заимствовано имъ у М. Возняка.

* * *

Кромѣ упомянутыхъ работъ по изслѣдованію „Слова о полку Игоревѣ“, нельзя не отмѣтить статей Шараневича, Залозецкаго, Франка и Радзикевича.

И. Шараневичъ²⁾: „Згадка про Пльсниско“ (Руска читанка, уложивъ Ѡ. Партыцкій, Львовъ, 1871). Описывая монастырь на Пльснискѣ въ Подгорцахъ, между Бродами и Золочевомъ, гору, майданъ, окопы и могилы, Шараневичъ ссылається на „Слово о полку Игоревѣ“, а именно на сонъ Святослава, которому чудилось, что воронъ всю ночь каркалъ на Пльснискѣ. Эту природную крѣпость онъ считаетъ Пльснискомъ, о которомъ рѣчь въ „Словѣ“.

В. Д. Залозецкій³⁾ „О Боянѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ“. (Отрывокъ изъ изслѣдованія о Словѣ. Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“). Варшава, 1901. Выдающийся галицкій писатель былъ хорошо ознакомленъ съ стариной Галича. Его взглядъ на „Слово“ таковъ: не вѣрны утвержденія ученыхъ, будто переписчики испортили текстъ и затемнили его до неузнаваемости. Текстъ цѣль. По его мнѣнію

¹⁾ П. О. Коструба современный литер. дѣятель.

²⁾ И. И. Шараневичъ (1829—1901) историкъ, профессоръ львовскаго университета и археологъ; произвелъ раскопки въ Галичѣ, Звенигородѣ, Высоцкѣ и Чехахъ, чѣмъ обогатилъ исторію Галицкой Руси.

³⁾ В. Д. Залозецкій (1833—1916) романистъ, одинъ изъ лучшихъ галицкихъ писателей, вникающихъ въ старину Галицкой Руси. Древнему періоду принадлежатъ лучшія его повѣсти: „Звенимира“, „Половецкая моленица“, „Евфимія Володаревна“, „Ростиславъ“. Всѣ его труды собраны въ „Полномъ собраніи сочиненій“ 3 т. Львовъ, 1910.

Боянь — историческое лицо; былъ имъ Янъ Выщатиць (Вячеславичъ), другъ лѣтописца Нестора (Лаврентіевскій списокъ 120), тысяцкій города Кіева; онъ родился годомъ позже смерти Владиміра Святого, умеръ въ 1106 году, проживъ девяносто лѣтъ. Вѣкъ его мужества приходился на княженіе Ярослава Мудраго, а при Святославѣ Ярославичѣ онъ исполнялъ должность воеводы. Изъ сліянія словъ Буй-Янъ пошло имя Боянь. Залозецкій разошелся съ истиной, такъ какъ слово боянь, баянь происходитъ отъ корня ба я ти, что значить: слагать, сочинять.

Лишь нѣсколькими словами, весьма осторожно, коснулся памятника Иванъ Франко¹⁾ въ своемъ „Нарис-ѣ історіі українсько-руської літератури“ (Львовъ, 1910). Франко полагаетъ также, какъ большинство ученыхъ, что поэма была написана участникомъ похода, въ чемъ его убѣждаетъ призывъ автора къ князьямъ о помощи Игорю. Онъ не вѣритъ въ то, что рукопись сгорѣла, такъ какъ палата Мусина-Пушкина въ 1812 уцѣлѣла.

Володимир Радзикевиць²⁾: „Слово о полку Игоревѣ“. Въ сжатой статьѣ Радзикевища, преподавателя гимнази, находимъ содержаніе „Слова“, составленное для среднихъ школъ.

Таковъ скромный вкладъ галичанъ въ литературу „Слова о полку Игоревѣ“. Не все, конечно, имѣетъ значеніе для науки, единственно трудъ Головацкаго, Петрушевича, Огоновскаго и Шурата, среди объемистыхъ томовъ численныхъ изслѣдователей нашей старины, не будетъ обойденъ молчаніемъ.

Споръ о томъ, кто могъ быть авторомъ „Слова“ очень поучителенъ. Во-первыхъ, въ текстѣ ни единымъ словомъ не упоминается объ Украинѣ. Во-вторыхъ, самъ фактъ спора, кому принадлежитъ авторъ, убѣдительно доказываетъ, что онъ принадлежитъ велико-и мало-россамъ. Къ нему одинако обращены ихъ взоры; онъ ихъ одинако ободряетъ и одушевляетъ. Въ третьихъ, если когда-либо и удастся доказать, что авторъ „Слова“ не дружинникъ Новгорода Сѣверскаго, а южанинъ или галичанинъ, то тѣмъ ярче станетъ правда, что русскій народъ составляетъ одинъ племенной организмъ.

¹⁾ Иванъ Франко (1856 — 1916) талантливый поэтъ и писатель; „Іван Вищенскій“, „Мойсей“, „Камінярі“, „Зівяле листе“, „Бориславські оповідання“, „Захар Беркут“ — наилучшія его сочиненія.

²⁾ Володимир Радзикевиць: „Короткий курс історіі українського письменства“ (Львовъ, 1822). Пособіе школьної кураторіей не утверждено, однако широко распространено среди учащейся молодежи.

И вовсе не ошибался упомянутый писатель Василий Дмитриевич Залозецкий, когда сказалъ: „Слово о полку Игоревѣ“ — это общій базисъ одного культурнаго строя всего русскаго народа. На его почвѣ не грозны намъ никакія разъединительныя затѣи. Пусть Галицкая Русь и гибнетъ, когда уже сама не хочетъ жить, но и за ея Ахеронтомъ вопіять будетъ этотъ памятникъ объ ея единомъ прошломъ съ всею прочею Русью, съ Всеволодомъ на Дону и Волгѣ и рыщущимъ волкомъ Всеславомъ у прибалтійской Немиги“.
